

И.И. Ясинский

Я. П. Полонский

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/polonskiy/yasinskiy_polonskiy.html

Еще живя в Чернигове, я вошел в сношения как начинающий поэт с Полонским, который был тогда редактором только что возникшего журнала "Пчела". Мое стихотворение было принято и напечатано, что было, конечно, молодому стихотворцу лестно, и именно потому, что принял Полонский.

Муза Полонского была мне знакома, разумеется, с детства, так как его стихотворениями изобиловали школьные хрестоматии. В особенности популярна была его детская поэмка "Солнце и месяц", а в доме у нас распевали, да и везде, деревенские барышни за четырехногим фортепьяно романс его "Под окном в тени мелькает русая головка". Помню, большая поэма Полонского "Собаки" была напечатана в "Отечественных записках", и критика порядочно издевалась над его длинными бытовыми поэмами, а он защищался против нападков критиков, выставляя всю прогрессивность своей лиры и указывая на полное тождество проводимых им идей с идеями Писарева. Считал он себя подлинным сыном сороковых годов, примкнувшим к движению шестидесятцев.

Приехавши в конце семидесятых годов в Петербург, я узнал, что поэт Полонский служит в цензуре, правда, в иностранной, что считалось не столь позорным, и что он уже в больших чинах, уже генерал. На одном литературном вечере я увидел его высокую фигуру, опирающуюся на костыль. Мне до сих пор неизвестно, почему хромота Полонский, знаю только, что он был долгое время в Тифлисе и прекрасно описал его. Когда потом, уже в двадцатом веке, мне пришлось быть в этом городе во время войны, я поражен был необыкновенно точным рисунком и живописью, с какой Полонский изобразил столицу Грузии. И то сказать, что она не особенно, должно быть, изменилась с сороковых годов, с тех пор, как там служил Полонский.

Первый раз я познакомился с ним на квартире у Минского. Приехав из Киева, я остановился у Минского, и часов в одиннадцать утра к нему приехал с визитом Яков Петрович. В общем разговоре я напомнил ему о том, что я был, так сказать, поэтическим крестником его, и он сейчас же вспомнил мое стихотворение и пожалел, что ему скоро пришлось выйти из "Пчелы" как редактору, иначе он придал бы этому журналу совсем другой характер. Он очень удивился, когда я сказал ему, что в провинции в большом ходу некоторые его романы:

- А я, представьте себе, даже и не знал, что положен на музыку! Надо будет добыть, пойду по магазинам и спрошу.

Тут он пригласил меня заходить к нему и сказал, что у него приемы по вечерам и что пятницы Полонского уже известны в литературном мире.

В течение многих лет потом я бывал у Якова Петровича на углу Бассейной и Знаменской. Квартира его помещалась в пятом этаже, и он ежедневно, отправляясь на службу в Цензурный комитет, имел мужество взбираться по крутым маршам вверх, опираясь, как Байрон, на костыль.

По пятницам у него собиралось много народу, все больше литераторы и музыканты; часто бывал Рубинштейн. Концерты Полонского были всегда изысканны, с самыми последними музыкальными новостями можно было познакомиться прежде всего у него. Певцы, пианисты и пианистки исполняли лучшие отрывки из Вагнера, Сен-Санса и Грига, тогда только что пробивавших себе дорогу в русском обществе, причем Вагнер трактовался иными критиками как варвар.

За большим столом пили чай, а в промежутках между музыкальными номерами беседовали о литературных явлениях дня. Постоянными посетителями вечеров Полонского были, между прочим, Леонид Майков, историк литературы; Страхов, глубокий мыслитель в области, которая была уже чужда новому поколению, почти метафизик; художник и романист Каразин; Соловьев Михаил Петрович, впоследствии ставший грозным начальником печати, а до девяностых годов сотрудничавший в "Вестнике Европы" как эстет и художественный историк, знаток византийских древностей и интересный миниатюрист-иллюминист. Он показывал образчики своих произведений. Великолепно расписанное им Евангелие он хотел преподнести царице и, должно быть, преподнес.

Этот Соловьев однажды, заговорив о византийских золотых эмалях, вовлек меня в беседу об этом предмете, о котором я имел тогда некоторое представление благодаря коллекции, которую собирал французский артист Михайловского театра Мишель. Да, кстати, я знал и кое-какую литературу по этому предмету. По-видимому, Соловьев возымел обо мне преувеличенное представление как о знатоке византийского искусства. Бывало, увидит меня и сейчас же начинает толковать об эмалях, так что я стал избегать его.